

Рациональные основания концептуального перевода:
случай феноменологии Гегеля-Хайдеггера
в работах Александра Кожева
Статья вторая

Иван С. Курилович

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, kurilovich.i@rggu.ru*

Аннотация. Впервые на русском языке исследуется «Заметка о Гегеле и Хайдеггере» Александра Кожева. Анализируется попытка Александра Кожева обосновать взаимную переводимость философии Гегеля и философии Хайдеггера. Изучены аргументы Кожева о единстве философии Гегеля-Хайдеггера, о проблемах гегелевских и хайдеггеровских текстов и их дополнительности. Аргументы о единой философии Гегеля-Хайдеггера сопоставлены с проблемой релятивизма мировоззрений и их происхождением из проблемного начала философии и возможности иного начала. Реконструируются принципы концептуального перевода, предпринятого Кожевом. Обосновывается антирелятивистская позиция универсальной рациональности в концептуальном переводе Кожева. Ключевые положения концептуального перевода Кожева сопоставляются с общими позициями гегельянства и критикой идеи «концептуальной схемы» Дональда Дэвидсона.

Ключевые слова: философия, феноменология, гегельянство, концептуальный перевод, внутриязыковой перевод, Гегель, Хайдеггер, Кожев

Для цитирования: Курилович И.С. Рациональные основания концептуального перевода: случай феноменологии Гегеля-Хайдеггера в работах Александра Кожева. Статья вторая // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2018. № 4 (14). С. 25–32. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-4-25-32

Rational foundations of conceptual translation.
The case of Hegel-Heidegger phenomenology
in the works of Alexandre Kojève
Article two

Ivan S. Kurilovich

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, kurilovich.i@rggu.ru

Abstract. The article is the first study of Alexandre Kojève's "Notes on Hegel and Heidegger" in Russian. The article presents an analysis of Alexandre Kojève's attempting to prove the mutual translatability of Hegel and Heide-

gger philosophy. The arguments of Kojève on the unity of the Hegel-Heidegger philosophy, on the issues of Hegelian and Heidegger texts, and on their complementarity are studied. The arguments on the common philosophy of Hegel-Heidegger are compared with an issue of relativism of worldviews and with origin of worldviews from the problematic beginning of philosophy and the possibility of another beginning. The author reconstructs principles of the Kojève's approach to the conceptual translation and substantiates the anti-relativistic position of universal rationality in the conceptual translation. Key theses of Kojève's conceptual translation are compared with the general positions of Hegelianism and with criticism of Donald Davidson's idea of a "conceptual scheme".

Keywords: philosophy, phenomenology, Hegelianism, conceptual translation, intralingual translation, Hegel, Heidegger, Kojève

For citation: Kurilovich IS. Rational foundations of conceptual translation. The case of Hegel-Heidegger phenomenology in the works of Alexandre Kojève. Article two. *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Social Studies. Art Studies" Series*. 2018;4(14):25-32. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-4-25-32

Начало мысли и мировоззренческий релятивизм

Обратимся к схематизму семиотического треугольника, с которого начиналась первая часть данной статьи¹: а) знак, имя, термин; б) значение, денотат, референт; в) смысл, понятие. В исследуемом нами концептуальном переводе названные отношения заставляют, и не без историко-философских оснований, удерживать их связь со структурой интенционального содержания акта сознания, или ноэватической структурой. Когда Кожев говорит о споре онтологий Гегеля и Хайдеггера и единстве их антропологий, он говорит о смысле, или понятии, о сущностях как предмете идеации, о принципе, внутренней архитектонике или логике мысли. Получение смысла, или сущности, и ее корректное выражение требует обращения к референту, что значит возвращение от «просто слов» к «самим вещам» и базовым феноменологическим практикам дескрипции – в них, как утверждает Кожев, Хайдеггер и не преуспел.

Обращение к референту речи или познания требует сделать еще один шаг в прошлое, к которому обращается и Кожев, – к Декарту.

¹ *Курилович И.С.* Рациональные основания концептуального перевода: случай феноменологии Гегеля-Хайдеггера в работах Александра Кожева. Статья первая // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2018. № 3. С. 32–41.

Картезианский методизм примечателен тем, что однозначное выполнение первых трех правил метода делает четвертое невыполнимым. Первое правило о беспредпосылочности требует скепсиса ко всему неочевидному, второе – призывает делить проблему на предельное число частей, третье – восходить в решении проблемы от простейших частей к сложнейшим. Без допущения нескольких корневых проблем, или начал философии, которое было бы предпосылкой, исследователь может «делать всюду перечни настолько полные и обзоры столь всеохватывающие, чтобы быть уверенным, что ничего не пропущено» [1 с. 260] только посредством дескрипции выполнения первых трех правил, но требуемая «уверенность» достижима лишь при обратной предпосылке – о единственности начала. Тем самым проблема начала оказывается не только метафизической, но, в силу предпосылочности, мировоззренческой проблемой – выбором между монизмом, дуализмом или плюрализмом проблемных начал мысли. Преодолеть ее можно лишь посредством отказа от уверенности. Такой отказ – общефилософский пафос, заключенный еще в пифагорейско-платоновском толковании термина «фило-софия». Гегель, Гуссерль и Хайдеггер, во всяком случае по первичным заявлениям, названному пафосу в своих феноменологических проектах соответствуют и идут на риск в определении первоили прафеномена, первой проблемы или первой по очередности или значению очевидности, существенной для дальнейшего методического философского развития. Это ставит вопрос начала философии и возможность «другого начала»². Кожев предлагает попытку ответа как в отношении философии Хайдеггера, так и в отношении Гегеля:

...маловероятно, чтобы Гегель и Хайдеггер исходили из чувства конечности: люди, которые исходят из него, чаще склоняются к тому, чтобы отделаться от него в и посредством религиозного обращения, которое дает им веру в бессмертие. Фактически Гегель исходит из идеи свободы и историчности человека и от нее приходит – довольно мучительно – к идее конечности человеческого бытия, как к онтологически необходимому условию экзистенциальной реальности свободного и историчного человека. Позднее он мог понять, что тот же факт сознания-в-себе (и Логоса) невозможен без конечности бы-

² Первые шаги на пути zum anderen Anfang в «Beiträge zur Philosophie. Vom Ereignis» были сделаны Хайдеггером через три года после заметки Кожева. Оба текста, опубликованные посмертно, не могли оказать влияния друг на друга.

тия, которое открывается себе самому как бытие посредством речи. Хайдеггер – по крайней мере в своей философии – избегает брать за исходную точку факт свободы и историчности, опасаясь, возможно, впасть в *Weltanschauung* [мировоззрение]. Он ограничивается фактом самосознания (не *cogito*, но *cogito-sum*, которое есть в целом первое философское данное) и – совсем как Гегель – именно отсюда он приходит к первой необходимой предпосылке (*Cogito-sum, ergo sum finitus*). Сложно отрицать факт самосознания, и нет смысла говорить, что здесь именно особенное *Befindlichkeit* [расположенность, настроенность], посредством которого образовывается *Weltanschauung*, так как любое *Befindlichkeit* (логически) предполагает самосознание в отсутствии иной его обусловленности [*la conscience-de-soi sans autre determination du soi*] (чистое *cogito-sum*) [2 p. 41–42].

По мнению Кожева, Гегель путает следствие и причину, когда начинает свою философию со свободы и историчности вместо конечности и негативности, но, сохраняя то и другое, дает верную феноменологию человеческого существования. Хайдеггера же отстраненность и самопогруженность его начала, самосознания хотя и приводит к конечности и негативности вообще, но не пускает к другому, а значит, и к истории. Случайность начала делает следствия философии обоих не необходимыми:

Можно ли сказать, что Гегель-Хайдеггер доказали конечность человеческого бытия? Мы склонны ответить утвердительно, но добавив: для тех, кто *хочет* в это верить. И, говоря это, мы возвращаемся к проблеме *Weltanschauung* [мировоззрения] [2 p. 42].

Мировоззренческий релятивизм – проблема для Александра Кожева со времен другой работы, написанной им в стол, с «Атеизма». Кожев в рассуждении о теистическом и атеистическом мировоззрениях пишет, что мировоззренческие вопросы таковы, что к ним нельзя сохранять безразличие, а значит, философ в их решении раздваивается:

Как философ он должен решать вопрос о «правоте», как живущий («полной жизнью») он уже решил его. Но настоящий философ только «живущий полной жизнью», т. е. он решает как решивший и только потому он может решать как философ, что решил как живущий (ср. *Fichte*). Тем не менее философское решение отлично от жизненного (*Philosophie ist keine Weltanschauung* [Философия – это не мировоззрение (нем.)]). Здесь важнейшая проблема! Обдумать!! [3 с. 457].

Концептуальный перевод и немыслимость непереводимости

Мировоззренческий релятивизм – одновременно и условие работы, и вызов философу. Средство, при помощи которого можно с ним справиться, – дескрипция изначальных интуиций и их взаимный перевод, хотя последнее и создает риск одинаково неприемлемой альтернативы: нигилизм с отказом от истины либо догматизм точки зрения, мнения. Тем не менее Кожев идет на риск и сопоставляет понятийные ряды Гегеля и Хайдеггера. Увидев в начале этой статьи, что делает Кожев, закончим статью попыткой разбора того, как он делает «концептуальный перевод», а для этого найдем принципы его работы.

В первой части статьи мы уже говорили о предмете перевода: Кожев не проводит резкого различия терминологии и обыденной лексики в трудах Гегеля. В этом вопросе, как и во многих, он доверяется Александру Койре, в частности его «Заметке о языке и терминологии Гегеля» [4]. Согласно последнему, в привычном смысле нельзя говорить о специальном терминологическом вокабуляре у Гегеля, по крайней мере до отъезда из Иены, где он написал «Феноменологию духа». По этой причине предметом перевода выступают не столько термины, сколько словесно-смысловые свертки, идиомы. Койре сначала заявлял о принципиальной непереводимости гегелевской философии, однако с 1920-х гг. использовал язык Гегеля для изложения Бёме и других немецких мистиков, а позже показал, как философия Гегеля транспонируется на языке хайдеггеровской мысли, и признавал язык последней даже более удачным. Для понимания позиции Койре, а через него и Кожева, более всего подходят базовые различия в рамках семиотической триады. В триаде мы вместе со знаком имеем его значение, или денотат, референт, с одной стороны, и, с другой, его смысл как универсальный способ данности референта, как его концепт, или десигнат. При этом успешность перевода устанавливается медиально – посредством соотнесения двух вершин треугольника с третьей. Пирс, а следом за ним Якобсон [5] указывали на разные типы отношений между сторонами треугольника или на разные типы знаков: символические, иконические и индексальные. Данное различие сопоставимо с гуссерлевским противопоставлением указания и выражения. Именно спутанность типов отношений – главная причина так называемой «непереводимости», на которую жаловался Койре – и не только в отношении Гегеля. Так, он говорил, что понятия Бёме являются «символами-идеограммами». Это такие знаки, смысл которых им подобен и иконически, и индексально. Смысл

удерживается за знаком как на уровне поэтичности сложения фонем, возникающих на их основании ассоциаций и ложных и истинных этимологизаций, так и на уровне указания на диалектическую, каузальную и холистическую необходимость достраиваемых оппозиций, субъект-объектных и субъект-предикатных отношений и их снятия в генерализации. Собственно, преимуществом Гегеля для Койре было не преодоление названных связей, не выход на символические случайные или конвенциональные отношения знака со смыслом и значением, свойственные позитивистским критериям научности, а осознанное применение иконического и индексального отношений вместе с символическим. Соответственно, недостаток языка Гегеля, согласно Койре, его «непереводимость» даже внутри немецкого языка явилась продолжением его достоинств.

При разности терминологий (знак), онтологий (смысл) и начала мысли, первичной интуиции, или проблемы (референта, значения), Кожев заявляет о единой философии Гегеля-Хайдеггера. Для этого в текстах Гегеля и Хайдеггера ему оказывается достаточно обнаружения существенного для человеческого существования принципа конечности. Проблемы нетерминологичности и мировоззренческого релятивизма, которые могли бы сделать «концептуальный перевод» невозможным, отступают перед немислимостью этой невозможности для того, кто выбрал [2 р. 45] истину, что значит также свободу, собственную смертность и бытие «смертным богом», мудрецом, воплощенным принципом универсальной рациональности, стоящим выше всякой правоты той или иной точки зрения [2 р. 45].

Заключение

Положения Кожева, как и Койре, в вопросе переводимости концепций философов во многом совпадают с тезисами философа совершенно иной интеллектуальной традиции – с критикой идеи «концептуальной схемы» Дональда Дэвидсона [6]. Дэвидсон доказывает, что необходимым условием утверждения концептуального релятивизма является полная неудача перевода. Но она немислима. Мысль, что некоторый другой обладает радикально иной «концептуальной схемой», совершенно отличными понятиями и убеждениями, обнаруживает свою невозможность, что Дэвидсон демонстрирует при помощи мысленного эксперимента. Больше того, нет оснований считать названные схемы ни различными, ни одной и той же. Иначе говоря, нет конфликта рациональностей или доминирующей рациональности в окружении маргинальных – есть лишь универсальная рациональность, которая даже не ну-

ждается в концептуальном схематизме. Поэтому, продолжаем мы об исследуемых нами авторах, нет препятствий для взаимного перевода Гегеля-Хайдеггера. Больше того, пафос гегельянства в том и состоит, что философия достигла своей данности в себе и для себя и нет не-гегелевской философии после Гегеля (проблема для Батая и Фуко), как, впрочем, и до него. И дело, разумеется, не в Гегеле как историческом персонаже, который может ошибаться и, по Кожеву, ошибался. Дело в единстве рациональности, которая после Гегеля закончила свое неосознанное развитие, пришла к себе и может либо развиваться, либо нет – в зависимости от толкования «конца истории». Шлейермахер говорил о двух переводческих стратегиях, происходящих из необходимости для переводчика быть слугой двух господ: автора и читателя. Концептуальный перевод, который мы наблюдаем у Кожева, есть приведение автора к автору с целью приведения их обоих к трансцендентальному постисторическому автору и читателю одновременно, то есть к «разумной точке зрения»³, на основании универсальной рациональности или немыслимости любой другой.

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 18–311–00282 «Рациональность в гуманитарных науках: теоретические противоречия и дисциплинарная практика».

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project «Rationality in the humanities: theoretical contradictions and disciplinary practice», no. 18-311-00282.

Литература

1. *Декарт Р.* Сочинения. В 2 т. М.: Мысль, 1989. Т. 1. 654 с.
2. *Kojève A.* Note sur Hegel et Heidegger // Rue Descartes. № 7, Logiques de l'éthique (Juin 1993). P. 35–46.
3. *Кожев А.* Атеизм и другие работы / Пер. с фр. А.М. Руткевича и др. М.: Праксис, 2007. 512 с.
4. *Kojev A.* Note sur la langue et la terminologie hégéliennes // Rev. Philos. France Let. 1931. Vol. 112. P. 409–439.
5. *Якобсон Р.* О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. Сб. статей. М.: Международные отношения, 1978. С. 16–24.
6. *Дэвидсон Д.* Об идее концептуальной схемы // Аналитическая философия: Избранные тексты / Сост. А.Ф. Грязнов. М.: МГУ, 1993. С. 144–159.

³ Предположение этой осевой точки, или логоцентризм, в терминологии Деррида является как основанием концептуального перевода, так и начальным положением для ее критики.

References

1. Descartes R. Works. In 2 vols. Moscow: Mysl' Publ.; 1994. Vol. 1. 640 p. (In Russ.)
2. Kojève A. Note sur Hegel et Heidegger. *Rue Descartes*. № 7, Logiques de l'éthique (Juin 1993). p. 35-46.
3. Kojève A. Atheism and other works. Rutkevich AM., transl. from French. Moscow: Praxis Publ.; 2007. 512 p. (In Russ.)
4. Koyré A. Note sur la langue et la terminologie hégéliennes. *Rev. Philos. France Let.* 1931;112:409-39.
5. Jacobson R. About linguistic aspects of translation. V: Questions of translation theory in foreign linguistics. Coll. of articles. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ.; 1978. p. 16-24. (In Russ.)
6. Davidson D. On the idea of a conceptual scheme. V: Gryaznov AF, comp. Analytical Philosophy. Selected texts. Moscow: MGU Publ.; 1993. p. 144-59. (In Russ.)

Информация об авторе

Иван С. Курилович, кандидат философских наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; kurilovich.i@rggu.ru

Information about the author

Ivan S. Kurilovich, PhD in Philosophy, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; kurilovich.i@rggu.ru